

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ФРАНЦУЗСКОГО АРГО 80–90 гг. XX ВЕКА

*Работа представлена кафедрой французского языка
Смоленского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Э. М. Береговская

Арго находится в процессе постоянного формирования, причем в отличие от общенационального языка этот процесс носит интенсивный характер и охватывает значительную часть лексико-ческого фонда. В конце ХХ в. французское арго становится естественным явлением неофициальной французской речи, что не могло не отразиться на словообразовательной системе.

Ключевые слова: арго, словообразование, механизм, способ, трансформация, лексема.

Argot is in the process of constant formation, and unlike national language, this process has an intensive character and covers a considerable part of the lexical fund. At the end of the 20th century the French argot becomes a natural phenomenon of informal French speech, which is reflected in the word-formation system.

Key words: argot, word-formation, mechanism, way, transformation, lexeme.

В настоящий момент существует значительное количество исследований, посвященных как общим закономерностям, так и механизмам формирования арготического вокабуляра конца ХХ в. Однако многие проблемы затрагиваются лишь фрагментарно или попутно и остаются пока нерешенными или не до конца разработанными. Кроме того, некоторые исследования базируются на недостаточно обширном материале. Поэтому существует необходимость в разностороннем изучении и системе-

матическом описании словообразовательного каркаса арго 80–90 гг. ХХ в. Следовательно, выбранная тема исследования заслуживает особого внимания.

Материалом для нашего исследования послужило порядка 2000 лексических единиц. Этот комплекс получен методом выборки из разного рода источников некодифицированной речи (словари французского арго; интернет-ресурсы, содержащие списки арготизмов; работы зарубежных и отечественных лингвистов, посвященные

изучению французского арго). Мы отбирали арготизмы, которые вошли в общее арго (*argot commun*) в указанный период. Детальный анализ отобранного языкового материала с использованием научных разработок последних лет в данной области позволяет дать комплексную характеристику словообразовательной системы французского арго 80–90 гг. XX в.

Механизмы формирования арготического вокабуларя можно условно разделить на **механистические**, которые подразумевают в первую очередь трансформацию внешнего облика слова, и **семантические**, предполагающие образование лексических единиц посредством игры с семантическим наполнением лексической единицы [6, р. 17].

В рамках группы так называемых **формальных механизмов арготического словообразования** мы рассматриваем:

Усечение, которое предполагает создание новых лексических единиц на базе уже имеющегося в языке лексико-грамматического материала. Полученные этим способом лексемы позволяют при значительной экономии языковых средств в полной мере передавать смысловое содержание, что является важным моментом в условиях устной речи, в которых и существует арго.

В 80–90 гг. XX в. для образования новых лексем арготирующие используют, как и ранее, **апокопу** (*accroc'h n.m.* → *acco* «наркоман», *trichlorityline n.m.* → *trichlo* «растворитель трихлорэтилен») и **афферезу** (*louloute n.f.* → *loute* «девушка, женщина», *surboum n.f.* → *boum* «вечеринка-сюрприз»). Мы установили, что арготирующие отдают явное предпочтение апокопе, что соответствует теории изложения информации, согласно которой информация сокращается по мере раскрытия денотата [6, р. 27], поскольку наибольший объем информации сосредоточен в начале лексической единицы. Таким образом, апокопа в полной мере обеспечивает как опознавание слова, так и передачу его семантики. К тому же преобладание апокоп обусловлено тем, что арго

в исследуемый период перестает быть чем-то секретным, следовательно, криптографическая функция не является ведущей. Таким образом, целью усечения лексических единиц является не скрытие их семантики, а создание более краткой и более удобной в условиях устного общения формы.

Кодирование представляет собой засекречивание слова путем игры с его внешним обликом. В исследуемый период наблюдается преобладание типов кодирования, основанных на взаимном перемещении звуков или слогов в слове (*verlan, veul*). Вследствие изменения статуса арго увеличилось количество референтных групп, использующих *verlan*, который основывается на взаимном перемещении звуков или слогов в составе слова [3, с. 72]. В исследуемый период происходит усложнение схемы: верлан начинает сочетаться с разного рода звуковыми трансформациями, усечениями и суффиксацией (*Amÿricain* → *ricain* → *cainri*, *arabe* → *beur* → *bueron*). Таким образом, произошло перерождение верлана, и этот тип кодирования перешел на новый этап своего развития [1, с. 5].

Конец XX в. обусловлен не только видоизменением существующих механизмов, но и зарождением новых. Так в словообразовательной системе появился **veul**, отличительной чертой которого является то, что он выходит за рамки механистического словообразования. Среди исследователей нет единого мнения по вопросу того, является ли вель обновленным вариантом верлана (*arabe* → *beur* → *reub*, *femme* → *meuf* → *feumeu*) или же представляет собой абсолютно новый тип кодирования (*lourd* → *reul*, *chatte* → *teusch*), поскольку сама фиксация таких слов проблематична, что ведет за собой недостаток фактического материала для исследования явления [8, р. 55].

Что касается группы типов кодирования, основанного на преобразованиях путем прибавления звуков или звукосочетаний к слову согласно определенной формуле (*largonji*, *javanais*), то они используются

гораздо реже. В случае *largonji* это обусловлено тем, что его схема довольно сложна для реализации спонтанных трансформаций (*fou* → *loufoque* «сумасшедший», *prince* → *linsprij* «принц»), что является важным моментом в условиях устной коммуникации. Арготирующие прибегают к *largonji* в основном при обработке лексических единиц, начинающихся на согласную букву, поскольку для этого требуется произвести несложные звуковые трансформации внутри слова. При трансформациях по схеме *javanais* происходит удлинение лексических единиц (*grosse* → *gravosse* «толстая, большая», *moustache* → *moustagache* «усы»), и они становятся громоздкими для устной речи, поэтому случаи кодирования при помощи *javanais* немногочисленны.

Аффиксация как словообразовательный механизм в арго имеет неоднозначное использование. С одной стороны, происходит заимствование всей схемы, и механизм функционирует так же, как в общенациональном языке: *carre n.f.* (аргот. игровая ставка) → *d'icarrer v.i.* (выйти из игры, сбежать), *filer v.t.* (следовать за кем-либо, надзирать) → *refiler v.t.* (выслеживать кого-либо). Арготирующие довольно часто обращаются к деривационному потенциальному суффиксации: *brique n.f.* (аргот. миллион старых франков) → *briquette n.f.* (ненужная вещь), *poudre n.f.* (кокаин) → *poudrette n.f.* (кокаинчик). Используя фонд оценочных суффиксов, они имеют возможность придавать лексемам дополнительные оттенки значения, демонстрируя этим свое отношение к окружающей действительности.

С другой стороны, в арго происходит частичное преобразование аффиксации. При этом арготирующие заимствуют лишь технический аспект механизма, т. е. сам процесс присоединения суффиксов, однако эти так называемые паразитарные суффиксы не несут в себе никакого семантического наполнения. При помощи паразитарных суффиксов арготирующие видоизменяют слово и скрывают его истинную семанти-

ку, что достаточно для того, чтобы дать выход людической энергии говорящего: *marque n.f.* → *marquouse n.f.* (метка, которую шулер ставит на карте), *médaille n.f.* → *méduche n.f.* (медаль, бляха). Одним из вариантов паразитарной суффиксации является ресуффиксация, которая, помимо присоединения десемантизованных суффиксов, предполагает предварительное усечение: *convalenscence n.f.* → *convalo n.f.* (выздоровление), *tél'vision n.f.* → *tél'loche n.f.* (телеидение). Таким образом, ресуффиксация является важным явлением в условиях устной речи, в каких всегда реализуется арго, поскольку укорачивает лексические единицы и делает их более удобными для употребления.

Другой тенденцией арготического словообразования является образование новых лексических единиц на основе игры с семантического наполнения. В рамках группы так называемых **семантических механизмов** мы рассматриваем следующие:

Метафора играет в арготическом словообразовании особую роль, поскольку использование метафорического переноса в арготическом словообразовании дает арготирующим возможность проявить свои эмоции и чувства по отношению к окружающему миру. Таким образом, являясь специфической частью национального языка, арго по-своему отражает французский менталитет и представляет собой специфический (шутливо-иронический и лишь изредка враждебный) взгляд на окружающий мир: *flyte n.f.* флейта → худая тонкая нога, *ÿronge n.f.* губка → алкоголик.

Метонимический перенос возникает как результат познания экстралингвистических характеристик объектов внеязыковой действительности, отражает определенные типы отношений между ними: *col n.m.* воротник → горло, *Saddam n.m.* иракский диктатор → очень строгий профессор. Однако в отличие от метафоры, которая позволяет дать оценку окружающей действительности, метонимия отражает связи по

«смежности» в объективной реальности. Такая регламентированность не позволяет выразить свои эмоции, поэтому не подходит для арготирующих.

Заимствование иностранных слов носит в арго особый характер, поскольку осуществляется не из-за практической необходимости в новых лексических единицах для устранения лакун в языке, а для реализации стремления к словотворчеству. Если рассматривать заимствования с точки зрения их смыслового наполнения, то в общенациональном языке лексические единицы в основном сохраняют свое значение (либо выбирается одно из значений, если слово полисемично), так как заимствованы для номинации новых явлений или предметов. Арготирующих же в первую очередь привлекает причудливая, нехарактерная для французского языка фонетическая форма слова. Однако чаще всего иностранные слова в арго подвергаются как фонетической трансформации (в большинстве случаев речь идет не об адаптации лексических единиц под фонетический строй французского языка, а производится намеренное видоизменение внешнего вида слов), так и переосмыслению (метафоризации или метонимизации): *baraka n.f.* (от араб. *baraka* – «благословление») → уникальная возможность, *niacosий(e) n.* (от вьетнам. *piah-kouй* – «крестьянин») → вьетнамец, любой азиат.

Игровые формы. Само арго по природе своей является игрой, поэтому вполне естественно существование среди способов пополнения арготического вокабуларя такого механизма, как игра слов, которая может осуществляться и на уровне фонетики (омофония и парономазия), и на уровне семантики (синонимия и полисемия) [7, р. 10–17].

Как показывает наше исследование, арготирующие отдают явное предпочтение игре, реализуемой на уровне фонетики:

- на базе омофонии: *gagzon n.m. donneur* → *gazzon n.m. d'honneur* (соучастник преступления, сдавший своих подельников, –

мерцает значение «человек, стоящий в почетном карауле»), *rhum et eau* → гомью *n.m.* (ром, разбавленный водой);

- на базе парономазии: *bas n.m. (низ)* → *basset n.m.* (человек, который грабит погреба); *sergent n.m.* → *cierge n.m.* (сержант, стоящий по стойке смирно, – мерцает образ стоящей ровно свечи).

Это обусловлено тем, что в условиях устного общения гораздо легче экспериментировать с фонетической формой слов. Объединяя, разъединяя и вновь объединяя слова, арготирующие легко и непринужденно реализуют свое стремление к словотворчеству.

Игра слов, основанная на синонимии, не требует больших мыслительных затрат и предполагает простую замену одного из элементов словосочетания на синонимичный (*deux monnaies de 5 F* → (*deux*) *bougies n.f.* → *candelabre n.m.* (две монеты по 5 франков, которые в арго называются свечами); Drogий *Lйon* → Самй *Lйon* (человек, который не только сам употребляет наркотики, но и занимается их продажей), поэтому вся острота полученного арготизма зависит от выбора синонима и от того, какой коннотацией он обладает.

Реже всего арготирующие прибегают к игре слов, основанной на полисемии (*boote n.f. a punaises* – аккордеон (мерцание двух значений слова *punaise* – «кнопка» и «клоп»); *rond comme une boule* – пьяный в стельку (мерцание двух значений слова *rond* – «круглый» и «пьяный»), поскольку от выбора семантического наполнения и от употребительности этого значения в речи зависит, как будет понята игровая форма и будет ли она вообще понята. Для реализации этого вида игры необходим некоторый контекст, который обеспечит мерцание выбранных значений.

Исследование словообразовательного каркаса французского арго 80–90-х гг. XX в. позволяет нам сделать следующие выводы:

1. При образовании новых лексических единиц арготирующие гораздо чаще при-

бегают к словообразовательным механизмам, основанным на образности (63%), поскольку они в большей степени, чем механистические трансформации (37%), обеспечивают реализацию их стремления к словотворчеству (рис. 1).

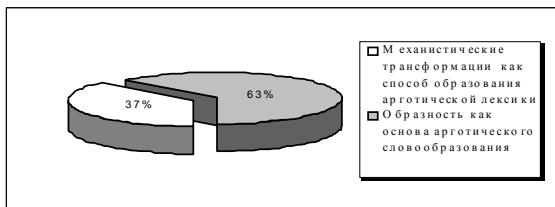

Рис. 1. Словообразовательные механизмы арготической лексики

Однако не следует недооценивать роль так называемых формальных способов пополнения арготического репертуара, поскольку в рамках этой группы в исследуемый период обнаруживается тенденция ухода от простых механистических моделей словообразования (усечения) и предпочтение отдается более сложным механизмам (*verlan*). В это же время происходит значительное отклонение от первоначальных конструктивных принципов, что приводит к зарождению в арго новых асистемных способов трансформации лексических единиц (*veul*). Это подтверждает тот факт, что словотворчество не терпит регламентирования жесткими правилами (даже игровыми) [1, с. 6].

2. Для того чтобы определить роль каждого из словообразовательных механизмов пополнения арготического фонда, мы определили удельный вес каждого из них (табл. 1).

Таблица 1

Частотность использования словообразовательных механизмов арготической лексики

Частота использования, %	
Усечение	8
Кодирование	11
Аффиксация	18
Метафора	33
Метонимия	9
Иностранные заимствования	17
Игровые формы	4

Как показывают полученные данные, лидирующее место среди рассмотренных нами в рамках исследования словообразовательных механизмов занимает метафора (33%), что подтверждает тот факт, что никакой другой пласт языка не является таким метафоричным, как арго. При помощи метафоры арготирующие выражают свое отношение к окружающей действительности, причем арготические образы в большинстве своем пропитаны иронией [5, с. 268], поскольку для арго характерно выражение скорее негативного, нежели положительного отношения к окружающему миру.

Следующим по продуктивности среди исследованных словообразовательных механизмов является аффиксация (18%). Причем при аффиксальном словообразовании арготирующие гораздо чаще обращаются к оценочному потенциалу этого механизма. Таким образом, используя деривационный потенциал аффиксации, арготирующие имеют возможность дать свою оценку окружающим их предметам и явлениям.

Иностранные заимствования (17%) являются одним из важнейших источников пополнения лексического состава любого языка. Арго, являясь языком-двойником общенационального языка, использует иностранные заимствования не как способ заполнения существующих в лексическом составе лакун. Они являются строительным материалом для создания образных единиц. Причем заимствование лексических единиц интенсивнее всего осуществляется из английского, а также из арабского и итальянского языков.

Кодирование (11%) занимает особое место в системе арготического словообразования. При помощи одной лишь игры с внешним обликом слова арготирующие могут зашифровать его семантику. В рамках этого механизма в исследуемый период происходят значительные изменения. Арготирующие не отказываются от существующих моделей кодирования, но ищут

способ их видоизменить, чтобы обеспечить им живучесть и конкурентоспособность. Это приводит к появлению новых техник шифровки.

Частотность использования во французском арго метонимии (9%) обусловлена самой природой этого словообразовательного механизма. Основываясь на смежности предметов и/или явлений в действительности, метонимические переносы не обеспечивают их безошибочного понимания. К тому же метонимия не позволяет выразить свое отношение к окружающим реалиям действительности, что является важным моментом арготического словообразования.

При усечении (8%) в арго, как и в других формах некодифицированной речи, наибольшей продуктивностью обладает апокопа. Этот словообразовательный механизм реализует компрессивную функцию, значительно облегчая процесс обмена информации в силу своей краткости.

Игра слов (4%) является довольно слож-

ным механизмом, поскольку ее создание требует больших интеллектуальных и временных затрат, к тому же немало усилий требует ее расшифровка. При использовании игры слов есть большая вероятность того, что она не будет понята, следовательно, акт коммуникации может не принести желаемых результатов.

3. Все арготическое словообразование «подчинено стремлению к эмоциональности и необычной гипервыразительности» [4, с. 90], поэтому даже использование формальных словообразовательных механизмов нельзя считать сугубо механистическим, поскольку довольно часто трансформация внешнего облика слова привносит с собой и изменения в семантике (к примеру, наделение слова новыми оттенками значения при аффиксации). В 80–90-е гг. XX века лексический репертуар французского арго представляет собой результат использования сплава словообразовательных механизмов, в котором ведущую роль играет игра, основанная на образности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Береговская Э. М. Верлан на новом витке своей истории // Нормы человеческого общения: Тезисы докладов международной научной конференции (16–18 сентября 1997 г.). Нижний Новгород: Издательство НГЛУ, 1997. С. 5–6.
2. Береговская Э. М. Механизмы, формирующие французское арго // Проблемы социального разноречия. Смоленск, 1995. С. 11–19.
3. Вахитова Л. В. Верлан – продуктивный способ образования современного французского арготической лексики // Теория поля в современном языкоznании: Межвузовский сборник. Уфа, 2002. С. 72–75.
4. Грачев М. А. Русское арго. Нижний Новгород: НГЛУ, 1997. 246 с.
5. Степанова О. В. Роль метафоры в создании языковой картины мира арготирующих (на примере французского языка) // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 266–272.
6. Goudailler J.-P. Le dire des maux, les maux du dire (en guise d'introduction) // Comment tu tchatches! Dictionnaire du français contemporain des cités. 3-йд. Р.: Maisonneuve et Larose, 1997. Р. 6–33.
7. Guiraud P. Les jeux de mots. – Paris : PUF, 1976. 128 p.
8. Merle P. Argot, verlan et tchatches. Paris: Le Seul, 1990. 117 p.